

ГОВАРА Ф. ЛАВКРАФТ

СОКОЛ МЕЛЮЗЫ

Зелия Бишоп Говард Филлипс Лавкрафт Локон Медузы

www.lib.ru

*«Локон Медузы»: Издательство «Ладь»; Екатеринбург; 1993
ISBN*

Аннотация

Заблудившийся, застигнутый неожиданно наставшим глубоким вечером и неумолимо приближающейся ночью, незадачливый путешественник бросив машину стучится в одиноко стоящий на отшибе дом. Его разум кричит: “Не заходи! Заночуй в машине!”. Но что-то неумолимо притягивает его к дому. Этой силе невозможно противостоять. С ней можно только бороться. Но не тогда, когда смертельно устал. А потом была она. Картина с невероятно красивой женщиной. Эти вземной красоты локоны притягивали внимание. А потом были убийства. А потом все это оказалось явью и эти локоны были хуже жирных отвратительных ядовитых змей. И снова пролилась кровь.

Содержание

Говард Лавкрафт

Локон Медузы

Путь к мысу Жирардо шел через незнакомую местность; по мере того, как поздний дневной свет становился золотистым и каким-то призрачным, я понял, что должен выбрать направление, чтобы, как я ожидал, достигнуть города до наступления ночи. Мне совсем не хотелось блуждать в унылом краю низменности южной Миссури в темноте, когда ноябрьский холод становился весьма неприятным для одинокого странника, да еще и по пребывающей в скверном состоянии дороге. Черные облака сосредоточились на горизонте, и я упорно всматривался в длинные серые и синие тени, что испещряли плоские коричневатые поля, надеясь уловить взглядом какой-нибудь дом, где я мог бы получить необходимую информацию.

Это была заброшенная, пустынная страна, но, наконец, я заметил крышу посреди группы деревьев поблизости от небольшой речки справа от меня. Возможно, этот дом находился в половине мили от шоссе, куда, предположительно, вели какие-либо тропы или дороги, на которые я вскоре мог бы натолкнуться. В отсутствие другого, более близкого пристанища я решил испытать там свою удачу и был очень рад, когда в кустарниках на обочине дороги показались руины оформлен-

ных камнем ворот, обрамленных засохшими виноградными лозами и заросших подлеском, из-за которого я не смог проследить путь через дальние поля. Проехать на автомобиле здесь было невозможно, поэтому я аккуратно поставил его возле ворот, где густая зелень будет защищать его от возможного дождя, и отправился в длительную пешую прогулку к дому.

Когда я пересекал в собирающихся сумерках заросшую тропу, меня не покидало какое-то устойчивое нехорошее предчувствие, возможно, вызванное неприятными гнилостными испарениями, окутавшими ворота и бывшую проезжую дорогу. Из вырезанных на старых каменных столбах знаков я сделал вывод о том, что это место было когда-то владением крупного помещика; мне было хорошо видно, что дорога первоначально проходила меж ограждений из рядов лип, некоторые из которых уже погибли, в то время как другие потеряли свой облик среди дикого подростка.

Пока я шел вперед, шипы и колючки яростно цеплялись за мою одежду, и я начал задаваться вопросом, могло ли это место вообще быть заселенным. Не напрасно ли я топаю здесь? На мгновение меня соблазнила мысль о возвращении и попытке отыскать какое-нибудь жилище подальше на главной дороге, когда впереди показались вызвавшие мое любопытство очертания дома, которые приободрили мой азарт.

В опоясанных деревьями ветхих руинах, представ-

ших передо мной, таилось какое-то роковое очарование; в нем сквозили изящество и величие прошлой эпохи Юга. Это был типичный деревянный особняк плантатора классической постройки начала XIX века, в котором было два с половиной этажа и большой ионический портик, чьи столбы вздымались вверх, подобно аттическим, и образовывали треугольный фронтон. Состояние страшного разрушения было налицо; одна из крупных колонн сгнила и упала на землю, в то время как верхняя веранда опасно наклонилась. Другие здания, насколько я мог судить, прежде стояли поблизости от главного.

Пока я взбирался по широким каменным ступеням к низкому крыльцу, где виднелся вырезанный в стене веерообразный дверной проем, я отчетливо ощущал какое-то возбуждение. Едва начав зажигать сигарету, я тут же предпочел воздержаться, когда увидел, насколько сухими и легко воспламеняющимися были все предметы вокруг меня. Хотя теперь я был уже окончательно убежден в том, что дом пуст, однако, все же не решался вторгнуться в него без стука. Поэтому я потянул ржавый железный дверной молоточек до тех пор, пока не смог сдвинуть его, и, наконец, осторожно постучал – при этом, казалось, весь дом зашатался и заскрежетал. Никакого ответа не последовало, однако я еще раз усердно воспользовался нескладным визгливым молотком – настолько, чтобы рассеять ощущение

мрачной тишины и одиночества и пробудить любого возможного владельца развалин.

Где-то поблизости находилась река, которую я слышал не громче голубей, и она звучала так, словно текущая вода сама по себе была плохо слышима. Будучи в каком-то полузабытье, я ухватил и с грохотом открыл древний запор, после чего решил без обиняков проверить большую шестипанельную дверь. Она оказалась незапертой изнутри, как я обнаружил через мгновение; и хотя она застревала и скрипела на петлях, я начал открывать ее, протиснувшись в обширный темный холл.

Но в момент, когда я сделал первый шаг, я уже сожалел об этом. Не потому, что целый легион каких-то сияний предстал перед моим взором в этом тусклом пыльном зале с подобной призракам мебелью времен Империи; но потому, что я внезапно осознал, что это место отнюдь не было необитаемым. Со ступеней большой искривленной лестнице донеслись скрип медленно затихавших неверных человеческих шагов. Затем я увидел высокую сгорбленную фигуру, вырисовывающуюся на миг напротив большого палладийского окна на лестничной площадке.

Мой первый приступ страха скоро прошел, и когда фигура появилась на самом нижнем марше лестницы, я был готов приветствовать домовладельца, в чью собственность вторгся. В полутемноте я мог видеть, как он роется в кармане в поисках спичек. Затем последовала

вспышка, и засветилась маленькая керосиновая лампа, которая стояла на хилом столике возле подножья лестницы. В слабом мерцании показался очень высокий, сутулый, изнуренный старик, очень небрежно одетый и небритый; однако в его лице явственно проглядывалось характерное выражение джентльмена.

Я не стал дожидаться, когда он заговорит, и сразу начал объяснять свое присутствие здесь.

«Вы простите мне подобное появление, но когда никто не отреагировал на мой стук, я заключил, что здесь нет жильцов. Первоначально я хотел узнать правильный путь к мысу Жирардо – самый короткий путь. Я хотел добраться туда до наступления темноты, но теперь, конечно...»

Поскольку я сделал паузу, человек заговорил; и по весьма культурной манере, которая ожидалась мной, а также по выраженному произношению, в нем отчетливо угадывался южанин, вполне соответствующий стилю дома, в котором он проживал.

«Довольно, вы должны извинить меня за то, что я быстро не ответил на ваш стук. Я живу очень уединенно и обычно не ожидаю визитеров. Сначала я подумал, что вы просто какой-то любопытствующий бродяга. Затем, когда вы стучали снова, я решил подойти к двери, но я не очень хорошо себя чувствую, поэтому не могу двигаться быстро. Спинной неврит – очень мучительный случай.

Но что касается вероятности вашего попадания в город до ночи – очевидно, у вас это не получится. Дорога, по которой вы прибыли, – а я полагаю, вы добирались сюда через ворота – не лучший и не самый короткий путь. Вам следовало повернуть налево от ворот – там проходит первая настоящая дорога после того главного шоссе, что вы покинули. Та есть еще три или четыре следа от телег, которые вы можете проигнорировать, но вы не можете ошибиться в выборе верной дороги – приметой служит большая ива справа, прямо напротив нее. Затем, когда вы повернете, продолжайте ехать мимо двух других дорог и поверните направо вдоль третьей. После этого...»

«Пожалуйста, подождите минутку! Как я могу следовать всем этим приметам в кромешной тьме, никогда не бывав здесь прежде, когда только пара посредственных фар будет сообщать мне о том, что находится впереди? Кроме того, мне кажется, что довольно скоро начнется гроза, а у моего автомобиля нет крыши. Похоже, я окажусь в плохом положении, если попытаюсь добраться до мыса Жирардо сегодня вечером. Вряд ли мне стоит даже пробовать. Мне бы не хотелось обременять вас или причинять какие-то неудобства – но, принимая во внимание обстоятельства, не могли бы вы пустить меня на ночь в свой дом? От меня не возникнет никаких проблем – мне не нужно еды или еще чего-нибудь. Только предоставьте мне уголок,

чтобы я мог поспать до утренней зари, и все будет в порядке. Я могу оставить автомобиль на дороге – там, где он сейчас находится; немного влаги не повредит ему, даже в самом худшем случае».

Высказав свою неожиданную просьбу, я заметил, что лицо старика утратило прежнее выражение тихой отрешенности, и он посмотрел на меня со скрытым удивлением.

«Спать – здесь?»

Его настолько поразил мой вопрос, что я был вынужден повторить.

«Да, почему бы и нет? Я гарантирую вам, что от меня не будет ни малейших неприятностей. Что еще я могу поделаться? Я здесь чужой, эти дороги для меня – лабиринт в темноте; и бьюсь об заклад, что меньше чем через час начнется дождь...»

На этот раз хозяин прервал меня, а в его глубоком мелодичном голосе я почувствовал какое-то особое волнение.

«Чужой – ну, конечно, вы должны были бы быть чужаком, иначе вы и не думали бы о том, чтобы спать здесь, не думали бы о том, чтобы вообще тут находиться. Люди сюда в последнее время не приезжают».

Он сделал паузу, и мое желание остаться увеличилось тысячекратно, возбужденное тайной, которую, казалось, содержала его лаконичная фраза. Несомненно, было что-то заманчиво подозрительное в этом ме-

сте, и даже распространившееся зловоние плесени создавало впечатление множества скрытых секретов. Снова я отметил угрожающую ветхость всего вокруг меня; проявлявшуюся даже в слабых лучах одинокой крохотной лампы. Я ощущал унылый холод; к сожалению, здесь не было никакого обогрева. Однако мое любопытство было настолько велико, что я все еще страстно желал оставаться и узнать что-нибудь об отшельнике и его мрачном жилище.

«Что ж, пусть будет так, как вам угодно, – ответил я. – Я не вправе решать за других. Но все же мне хотелось бы получить место для того, чтобы переждать ночь. Если люди не жалуют этот район, не объясняется ли это его жалким состоянием? Конечно, я уверен в том, что владеть таким особняком – большая удача, но если проблемы столь значительны, почему вы не найдете дом поменьше? Зачем мучиться именно здесь – со всеми затруднениями и неудобствами?»

Мой собеседник не казался оскорбленным, но ответил очень серьезно.

«Несомненно, вы можете остаться, если действительно этого желаете – от вас не может быть никакого вреда, который мне ведом. Но есть люди, которые утверждают, что здесь присутствуют какие-то странные вещи. Что касается меня, то я продолжаю жить здесь, потому что так нужно. Я чувствую, что должен охранять здесь одну вещь, которая удерживает меня.

Единственное, что мне необходимо – средства, здоровье и воля для того, чтобы должным образом заботиться о доме и земле».

Мое любопытство еще более возросло, и я приготовился внимать каждому слову моего хозяина; в его сопровождении я медленно пошел наверх после того, как он разрешил мне войти в дом. Теперь уже было очень темно, и легкое постукивание, доносящееся извне, свидетельствовало о том, что начался дождь. Я был бы рад любой крыше над головой, но этот дом был вдвойне приятен из-за загадочных тайн этого места и хозяина. Для неискоренимого любителя гротесков нельзя была бы придумать лучшего приюта.

II На втором этаже в лучше сохранившейся части находилась угловая комната, в которую меня провел хозяин дома. В комнате было две лампы – маленькая и немного побольше. По чистоте и убранству помещения и по книгам, расположенным вдоль стен, я понял, что не ошибся в своем предположении относительно того, что этот человек является джентльменом с соответствующими вкусами. Без сомнения, для него были характерны уединенность и эксцентричность, но он все еще соблюдал определенный этикет и имел явно интеллектуальные интересы. Когда он жестом предложил мне сесть в кресло, я начал беседу на самые общие темы и с удовлетворением отметил его разговорчивость. В любом случае, он, кажется, был рад воз-

возможности поговорить с кем-либо и даже не пытался уклониться от обсуждения своих личных дел.

Как я узнал, его звали Антуан де Рюсси, и он был представителем древнего знатного рода плантаторов штата Луизиана. Более ста лет назад его дед, еще очень молодой, переселился в район южной Миссури и основал там новое роскошное поместье своей фамилии, построив этот украшенный колоннами особняк и окружив его всеми дополнительными постройками большого плантационного хозяйства. В свое время в стоявших здесь на плоском участке позади дома хижинах проживало до двухсот негров (теперь эта территория была залита рекой). Ночами слышались их пение, смех и игра на банджо, что придавало особое очарование той цивилизации и социальному устройству, которое ныне, к сожалению, ушло в прошлое. Перед особняком, где росли высокие развесистые дубы и ивы, находилась лужайка, подобная широкому зеленому ковру, всегда обильно увлажненная и аккуратно подстриженная; ее огибала большая, вымощенная камнями цветочная клумба. В те дни это поместье, называемое Берег реки, представляло собой прекрасное место, царство идиллии; и мой хозяин мог припомнить множество признаков того замечательного времени.

Дождь полил с еще большей силой, и толстые струи воды заколотили по хилой крыше, стенам и окнам. Через тысячу щелей внутрь проникали многочисленные

капли. Из незакрытых мест на пол просачивалась вода, и разыгравшийся ветер с грохотом сотрясал прогнившие, свободно болтающиеся на петлях ставни. Но я не замечал ничего этого, поскольку рассказ джентльмена продолжался. Хозяин намеревался показать мне комнату для сна, но побуждаемый мной к воспоминаниям, сдался и продолжил повествовать о лучших былых днях. Я понял, что скоро, наконец, узнаю, почему он уединенно жил в этом старом доме и почему его соседи полагали, что здесь есть что-то нежелательное и опасное. Когда он говорил, его голос приобрел паразитическую мелодичность, и вскоре в его рассказе произошел такой поворот, который не оставил мне никакой возможности даже думать о сне.

«Да, Берег реки был построен в 1816 году, а мой отец родился в двадцать восьмом. Наверное, он прожил бы больше века, если бы не умер таким молодым – настолько молодым, что я едва помню его. В шестьдесят четвертом он, будучи сторонником старых порядков, завербовался в Седьмой луизианский пехотный полк и позже погиб на войне. Мой дед был уже слишком стар, чтобы сражаться, однако прожил до девяноста пяти лет и помогал моей матери заботиться обо мне. Следует отдать им должное – они дали мне хорошее воспитание. В нашей семье всегда была сильная традиция, обостренное чувство чести, и дед сделал все для того, чтобы я вырос таким же, как и все де

Рюсси – поколение за поколением, начиная с Крестовых походов. После войны мы не были полностью разорены и смогли обеспечить более или менее сносное существование. Меня приняли в очень хорошую школу Луизианы, а позже в Принстон. Затем я унаследовал плантацию в довольно приличном состоянии, хотя вы сами видите, во что она теперь превратилась.

Моя мать умерла, когда мне исполнилось двадцать лет, а дед скончался двумя годами позже. Мне было очень одиноко без них, и в восемьдесят пятом я женился на отдаленной кузине из Нового Орлеана. Все могло быть иначе, если бы и она не умерла столь рано, когда родился наш сын Дени. Затем у меня остался только Дени. Я не пробовал снова вступить в брак, но решил отдать все свое время мальчику. Он был похож на меня – настоящий де Рюсси – темноволосый, высокий и худощавый, и вдобавок с решительным характером. Я дал ему то же образование, что обеспечил мне дед, но он не нуждался в избытке знаний, главным для него были вопросы чести и доблести. Никогда я не видел такого благородства и высоты духа – когда ему было одиннадцать, я едва помешал ему сбежать на Испанскую войну! Романтичный молодой парень, преисполненный высоких понятий – теперь вы назвали бы их викторианскими. Мне никогда не приходилось требовать от него оставить негрятянок в покое. Я отправил его в ту же школу, где учился сам, а потом

и в Принстон. Он был выпускником 1909 года.

В конце концов, он решил стать врачом, и год проучился в Медицинской школе Гарварда. Затем он увлекся идеей приобщения к французским истокам нашего рода и убедил меня послать его в Сорбонну. Я помог ему – и был весьма горд, хотя меня печалила мысль о том, что я останусь один, пока мой сын будет жить так далеко отсюда. Боже мой, зачем же я сделал это! Я полагал, что он достаточно тверд для того, чтобы жить в Париже. У него была комната на улице Сен-Жак, поблизости от Университета в Латинском квартале; согласно его письмам и сообщениям друзей, сначала его жизнь была довольно трудной и невеселой. Люди, с которыми он общался, в основном были молодыми приятелями по дому – серьезные студенты и художники, думавшие больше о работе, чем о крикливых проявлениях и декорациях яркого города.

Однако там было множество личностей, которые находились на своего рода разделительной линии между серьезными исследованиями и дьявольщиной. Как вы знаете, многие из этих эстетов – декаденты. Их жизненный опыт и чувства подобны главам из книг Бодлера. Естественно, Дени был знаком со многими из них, и немало наблюдал в их жизни. Они вращались во всевозможных оккультистских кругах – имитация поклонения Сатане, Черных Месс и тому подобное. Вряд ли большинству из них это приносило много вреда; веро-

ятно, они в основном забывали все это через год-два. Но одним из наиболее подозрительных субъектов, кого Дени узнал в этой школе, был человек, отец которого был мне знаком. Фрэнк Марш из Нового Орлеана, ученик Лафкадио Эарна, Гогена и Ван Гога – классическое воплощение этих чертовых девяностых. Бедный парень – и при этом он имел талант великого художника.

Марш был самым давним другом Дени в Париже, что являлось причиной их частых встреч, когда они вспоминали времена учебы в академии Сен-Клер и другие моменты жизни. Юноша написал мне очень много о Марше, и я не считал особенно опасным, когда он рассуждал о группе мистиков, в которую входил его друг. Вроде бы они придерживались какого-то культа древней египетской и карфагенской магии, пользующейся славой у нетрадиционных представителей богемы, – нечто неосязаемое, кажется, дарующее возможность вернуться к забытым источникам скрытого знания исчезнувших цивилизаций Африки: большого Зимбабве и мертвых городов атлантов в области Хаггар пустыни Сахара. В их вере содержался какой-то бред относительно змей и человеческих волос. По крайней мере, я называю это бредом. Денис имел обыкновение цитировать странные слова Марша насчет загадочных легенд о змееобразных локонах Медузы, а также по поводу мифа эпохи Птолемея о Беренике, ради спасения

брата мужа предложившей свои волосы, которые были вознесены на небо, став созвездием Волосы Береники.

Я не думаю, что это занятие производило большое впечатление на Дени до одной ночи, когда в комнате Марша состоялся мрачный ритуал, на котором он встретил жрицу. Большинство приверженцев культа были юношами, но их главой являлась молодая женщина, которая называла себя Танит-Изида, давая понять, что ее настоящее имя (имя в последнем воплощении) было Марселин Бедар. Она утверждала, что была незаконнорожденной дочерью маркиза де Шамо и, кажется, выступала в качестве и художника-любителя и модели для других художников перед тем, как приобщилась к этой более интересной игре в волшебство. Кто-то сказал, что она некоторое время жила в Вест-Индии – по-моему, на Мартинике,

– но в рассказах о себе она была очень сдержанна. В ее позе была немалая доля показной строгости и набожности, но я не думаю, что более взрослые и опытные студенты принимали это всерьез.

Но Дени было еще далеко до жизненной искушенности, и он написал мне добрый десяток страниц сентиментального вздора об этой встреченной им «богине». Если бы я вовремя распознал его наивность, я мог бы еще что-то поделать, но я не предполагал, что это безумное щенячье увлечение будет означать столь много.

Я чувствовал абсурдную уверенность в том, что личное достоинство Дени и фамильные традиции всегда будут охранять его от самых серьезных ошибок.

Со временем, однако, его письма стали тревожить меня. Он упоминал эту Марселин все чаще, а своих друзей все реже, и принялся твердить о «жестокой и бессмысленной манере», в которой они отказывались представить ее своим матерям и сестрам. Он, кажется, не задавал никаких вопросов касательно ее, и я не сомневаюсь в том, что она напичкала его полными романтизма легендами по поводу своего происхождения, божественных откровениях, а также о том, почему люди избегали ее. Наконец, я обнаружил, что Дени практически отказался от общения с былыми знакомыми и проводил большую часть времени с очаровавшей его жрицей. По ее специальной просьбе он никогда не сообщал своим старым друзьям ничего об их непрерывных встречах; так что никто и не пытался прервать их отношения.

Я предполагаю, что она считала его баснословно богатым, поскольку в нем ощущался дух патриция, а люди определенного сорта думают, что вся американские аристократы очень обеспечены. В любом случае, она, вероятно, видела для себя редкую возможность заключить легальный брак с действительно подходящим молодым человеком. Со временем мое волнение выразилось в открытых рекомендациях Дени, но было слиш-

ком поздно. Юноша официально женился на ней и написал мне о том, что он бросил свои занятия и намерен привезти жену в Берег реки. Он сказал, что она принесла большую жертву, отказавшись от руководства магического культа, и впредь она будет просто обычной леди – будущей хозяйкой Берега реки, продолжательницей рода де Рюсси.

Итак, сэр, я поступил наилучшим образом, какой только смог придумать. Я знал, что сложные европейские законы существенно отличаются от наших старых правил – и, во всяком случае, я действительно не знал ничего компрометирующего относительно этой женщины. Шарлатанка, возможно, но зачем же обязательно предполагать худшее? Уверен, в те дни я старался быть настолько гостеприимным, насколько это возможно, для блага моего сына. Очевидно, для здравомыслящего человека не оставалось ничего иного, кроме как оставить Дени в покое на то время, пока его жена не приспособится к обычаям де Рюсси. Надо было дать ей шанс улучшить себя, – возможно, она бы не причинила вреда нашему семейству, как опасались некоторые люди. Поэтому я перестал возражать и просить Дени одуматься. Дело было сделано, и я приготовился к возвращению сына, кого бы он с собой ни привез.

Они приехали сюда через три недели после телеграммы, сообщившей о заключении брака. Марселин

была красива, было невозможно отрицать это, и я понял, отчего юноша потерял рядом с ней голову. В ней ощущалась породистость, но мне кажется, что хорошая кровь в ней подверглась когда-то некоторым нарушениям. Ей было немногим более двадцати; среднего роста, довольно тонкого и изящного телосложения – я бы даже сказал, в ее фигуре, осанке и пластике было нечто тигриное. Темно-оливковый цвет кожи напоминал старую слоновую кость, а ее большие глаза были очень темными. Черты ее лица были мелкими и классически правильными, хотя и не столь совершенными, чтобы отвечать моему вкусу, – и вдобавок у нее были косички самых необычных черных волос, которые я когда-либо видел.

Я не долго ломал голову над тем, почему она включила тему волос в свой мистический культ, поскольку, должно быть, с такой уникальной роскошной шевелюрой эта идея пришла к ней естественным образом. Смотанные в локоны, они придавали ей облик какой-нибудь восточной принцессы в рисунках Обри Бердсли. Свисая с ее затылка, они опускались значительно ниже колен и сияли на свету, как будто обладали некоей собственной самостоятельной и весьма сомнительной жизнью. Меня и без того, чтобы придерживаться какого-то культа, после таких наблюдений посещали мысли о Медузе или Беренике.

Иногда мне казалось, что эти волосы слегка двига-

лись сами по себе и стремились упорядочиться в виде отчетливых связок или прядей, но возможно, это было иллюзией. Она постоянно заплетала волосы и, вроде бы, имела в этом какой-то особый навык. Как-то раз у меня возникло впечатление – странное, причудливое впечатление – того, что волосы были живым существом, о котором она должна была заботиться очень необычным способом. Это впечатление, конечно, ерунда, – но оно усилило мое предубеждение относительно ее самой и особенно ее волос.

Вынужден признаться, что я потерпел неудачу в попытках полюбить ее, независимо от того, насколько упорно я пытался. Не знаю, в чем конкретно крылась проблема, но так или иначе, я ничего не мог поделать с этим. В ней незаметно присутствовало нечто, что отталкивало меня, и я не мог справиться с возникающими у меня болезненными и жуткими ассоциациями. Ее вид вызывал мысли о Вавилоне, Атлантиде и Лемурии, об ужасных забытых силах старых миров; ее глаза порой казались мне глазами какой-то безобразной лесной твари или животной богини, слишком древней, чтобы принадлежать человечеству; а ее волосы – эти плотные, экзотически разросшиеся локоны маслянисто-черного цвета – вызывали такую же дрожь, как большой черный питон. Без сомнения, она поняла мою скрытую неприязнь, хотя я старался не показывать ее; а она, в свою очередь, пыталась утаить тот факт, что

заметила это.

Однако безумное увлечение моего сына продолжалось. Он положительно пресмыкался перед ней, проявляя все обыкновенные признаки любви в вызывающей отвращение степени. Она, казалось, отвечала ему чувством, хотя я подозревал, что ей требуется сознательное усилие, чтобы подражать его энтузиазму и неумеренности. Кстати, я думаю, что ее смущало то обстоятельство, что ей приходится привыкать к тому, что мы не были столь богаты, как она ожидала.

Меня не покидала уверенность в том, что их брак был плохим делом. Позже между мной и супружеской парой возникли мрачные затаенные чувства. Дени был загипнотизирован щенячьей любовью и начал отдаляться от меня, чувствуя мое отвращение к своей жене. Это происходило в течение нескольких месяцев, и я понимал, что теряю единственного сына – юношу, который являлся центром всех моих мыслей и действий в последние двадцать пять лет. Откровенно признаюсь, мне было очень больно от этого, – а какому отцу не было бы больно? Однако я ничего не мог исправить.

Марселин, казалось, была достаточно хорошей женой в первые месяцы, и наши друзья приняли ее без всяких сомнений и уклонений. Я, тем не менее, по-прежнему тревожился из-за того, что некоторые из молодых парижских приятелей Дени сообщили своим родственникам, вследствие чего новость о браке

широко распространилась. Несмотря на любовь этой женщины к таинственности, их супружество могло долго оставаться скрытым, хотя Дени, только обосновавшись с ней в Береге реки, сугубо конфиденциально написал лишь нескольким самым близким друзьям.

Мое одиночество в своей комнате все усиливалось, что я оправдывал ухудшающимся здоровьем. Как раз в то время начал развиваться мой теперешний спинной невррит, который делал это оправдание весьма убедительным. Дени, казалось, не замечал моих трудностей, не проявлял никакого интереса ко мне, моим привычкам и делам; и мне причиняло страдание созерцание того, насколько бессердечным он стал. У меня появилась бессонница, и ночью я часто ломал голову над тем, что же делало мою невестку столь отталкивающей и даже отвратительной в моих глазах. Несомненно, причина крылась не в ее старых мистических бреднях, поскольку она оставила их в прошлом и никогда не упоминала о них хотя бы раз. Она даже не обращалась к рисованию, хотя когда-то увлекалась искусством.

Странно, но единственными, кто, казалось, разделял мое беспокойство, были слуги. Негры, жившие при усадьбе, очень угрюмо относились к ней, и через несколько недель почти все, исключая немногих, кто был сильно привязан к нашему семейству, покинули поместье. Эти немногие – старый Сципион и его жена Сара, повариха Делила и Мэри, дочь Сципиона – были

настолько лояльны, насколько возможно, но явно показывали, что подчиняются новой хозяйке скорее по обязанности, нежели по доброй воле. Они остались в своей собственной максимально удаленной части дома. Мак-Кэйб, наш белый шофер, восхищался ей больше, чем опасался, а другим исключением была проживавшая в маленькой хижине очень старая зулусская женщина, которая являлась своего рода вождем какого-то негритянского племени. Старая Софонисба всегда демонстрировала почитание, когда Марселин проходила близко от нее, и однажды я видел, как она целует землю, где ступала ее хозяйка. Чернокожие – суеверные животные, и я задавался вопросом, не говорила ли Марселин что-нибудь из своего оккультного вздора нашим работникам, чтобы преодолеть их явную неприязнь.

III Вот к такой ситуации мы пришли по истечении почти половины года. Затем, летом 1916, начали происходить странные события. В середине июня Дени получил послание от старого друга Фрэнка Марша, которое вызвало у него что-то большое расстройство, после чего он изъявил желание отдохнуть в деревне. Послание было отправлено из Нового Орлеана; в нем Марш сообщал, что вернулся домой из Парижа, когда почувствовал приближение какой-то катастрофы, и ненавязчиво напрашивался на приглашение в гости. Марш, конечно, знал, что Марселин была здесь,

и очень вежливо осведомлялся о ней. Дени был расстроен проблемами друга и сразу передал, чтобы тот приезжал в любое время.

Вскоре Марш приехал – и я был потрясен, увидев, как он изменился с тех давних пор, когда я впервые познакомился с ним. Он был маленького роста, с довольно светлыми волосами, синими глазами и нерешительным подбородком; обращали на себя внимание следы воздействия спиртных напитков и еще чего-то, проявляющиеся в веках, расширенном носе и темных линиях вокруг рта. Его упадок был очень серьезен и напоминал Рембо, Бодлера или Лотреамона. Однако, несмотря на это, он был восхитителен в беседах – опять же, подобно упомянутым декадентам. Он был грациозно чувствителен к цвету, атмосфере и именам всех вещей; очень непосредственный и деятельный, с огромным запасом сознательного опыта в самой темной непознанной области жизни и чувств, которую большинство из нас оставляет без внимания, не задумываясь о том, что они вообще существуют. Бедняга – если бы только его отец прожил дольше и держал его в руках! В этом юноше было много задатков.

Я был доволен этим визитом, поскольку считал, что он поможет снова восстановить нормальную атмосферу в доме фирмы. И сначала вроде бы так оно и было, ибо, как я уже говорил, Марш обладал выдающимся шармом. Он был наиболее выразительным и глубоко-

ким художником, каких я когда-либо встречал; я совершенно уверен в том, что ничто на земле не имело для него значения, за исключением восприятия и выражения красоты. Когда он видел или создавал прекрасный объект, его глаза расширялись, пока, казалось, не исчезали радужные оболочки, оставив лишь два таинственных черных углубления на этом нежном, тонком лице с мелкими чертами – черные углубления, открывающие странные миры, о которых никто из нас не мог и подумать.

Когда он приехал сюда, у него, однако, было немного возможностей продемонстрировать эту склонность, поскольку, как он сказал Дени, полностью выдохся. Кажется, он достиг успехов как художник экзотического стиля – подобно Фузели, Гойе, Сайму или Кларку Эштону Смиуту, но внезапно остановился в своих работах. Мир обычных предметов перестал привлекать его внимание вследствие отсутствия чего-либо, в чем он мог распознать красоту достаточной силы и остроты, чтобы пробудить в нем творческую способность. Раньше с ним это часто случалось, как и со всеми декадентами, но на этот раз он не смог выдумать ничего нового, странного или выходящего за рамки обычных чувств и опыта, что обеспечило бы ему необходимую иллюзию новой красоты и внушило авантюрную надежду. Он был вылитый Дуртал или дез'Эссенте в период крайнего утомления своей бурной жизни.

Когда прибыл Марш, Марселин была в отъезде. Она не была в восторге от перспектив его визита и отказалась отклонить приглашение наших друзей из Сент-Луиса, которое приблизительно в то время было прислано ей и Дени. Дени, конечно, остался, чтобы встретить своего гостя, но Марселин уехала одна. Это был первый раз, когда они разлучились, и я надеялся, что эта пауза поможет рассеять впечатление, которое ввело моего сына в заблуждение относительно нее. Марселин не спешила возвращаться и, казалось, стремилась продлить свое отсутствие настолько, насколько возможно. Дени вел себя лучше, нежели можно было ожидать от такого безумно влюбленного мужа, и напоминал себя в прошлом, разговаривая и стараясь подбодрить увядшего эстета.

В то же время именно Марш испытывал наибольшее нетерпение в желании увидеть женщину; возможно, это объяснялось его стремлением оценить ее странную красоту или какую-то долю мистики, присутствовавшей в ее прошлом магическом культе, что могло бы помочь ему вернуть интерес к окружающему миру и возобновить художественное творчество. Другой, более веской причины не было; я был абсолютно уверен в этом, зная характер Марша. При всех его недостатках он был джентльменом, что успокоило меня после первого сообщения о том, что Марш решил приехать сюда и с готовностью принял гостеприимство Дениса.

Когда, наконец, Марселин возвратилась, я заметил, что это произвело на Марша чрезвычайное воздействие. Он не пытался расспрашивать ее о всяких причудах, которые она явно забросила, но был неспособен скрыть сильный восторг, который проявлялся в его глазах – теперь, впервые в течение визита, необычно расширившихся и прикованных к ней каждый раз, когда она попадала в поле его зрения. Она, однако, была скорее недовольна, чем польщена его устойчивым вниманием – по крайней мере, сначала. Но ее недовольство стерлось уже через несколько дней, и они обнаружили немалое взаимное влечение в разговорах и общении. Я видел, что Марш постоянно наблюдал за ней, когда полагал, что за ним никто не следит; и я задавался вопросом, как долго он останется только художником, а не обыкновенным мужчиной, очарованным ее таинственной привлекательностью.

Дени, естественно, почувствовал некоторую досаду при таком повороте дел; хотя он полагал, что его гость был человеком чести и что у таких близких по духу мистиков и эстетов, как Марселин и Марш, найдутся предметы и интересы для обсуждения, в котором более или менее заурядный человек не сможет принять участия. Он не сердился на них, но просто сожалел, что его собственное воображение было слишком ограниченным и традиционным, чтобы позволить ему беседовать с Марселин, как это делал Марш. На этой ста-

дии событий я стал больше общаться с сыном. Когда его жена оказалась занята другими делами, он, наконец, получил возможность, чтобы вспомнить, что у него есть отец, который готов помочь ему в затруднении любого рода.

Мы часто сидели вместе на веранде, наблюдая за Маршем и Марселин, когда они катались туда-сюда верхом или играли в теннис во дворе, который находился к югу от дома. Они говорили обычно на французском языке, который Марш, хотя в нем было не больше четверти французской крови, знал намного лучше, чем Дени или я. Английский Марселин, всегда академически правильный, быстро улучшался в произношении; но было заметно, что она с удовольствием возвращалась к родному языку. Пока мы созерцали благостную парочку, которую они образовали, я часто видел, как подрагивают щеки и горло сына, хотя он ни на йоту не отступал от принципов идеального хозяина по отношению к Маршу и внимательного мужа по отношению к Марселин.

Все это происходило обычно днем; поскольку Марселин очень поздно просыпалась, завтракала в постели, а затем тратила огромное количество времени, готовясь спуститься вниз. Никто, как она, не использовал столько косметики для прихорашивания – масла для волос, мазей и прочее. Как раз в эти утренние часы Дени и Марш доверительно общались между собой, под-

тверждая свою дружбу, несмотря на некоторое напряжение, накладываемое ревностью.

Итак, во время одной из тех утренних бесед по веранде Марш сделало заявление, которое привело к концу их отношений. Я лежал в постели, свалившись от приступа неврита, но сумел сойти с кровати и вытянуться на переднем диване комнаты поблизости от длинного окна. Дени и Марш были снаружи, и мне не удавалось расслышать все, о чем они говорили. Они беседовали на тему искусства, о тех загадочных причудливых элементах, что необходимы художнику в качестве импульса к созданию подлинного шедевра, когда Марш внезапно уклонился от абстрактных рассуждений и перешел к конкретному предмету, который он, должно быть, подразумевал с самого начала.

«Я полагаю, – говорил он, – никто не может выразить, что придает некоторым пейзажам или предметам эстетическую значимость в глазах отдельных людей. В основном, конечно, это должно быть связано с хранящимися в подсознании каждого человека ассоциациями, причем не может быть даже двух людей с равными чувствительностью и восприимчивостью. Мы, декаденты, представляем собой художников, для которых все обычные вещи утратили всякое эмоциональное или образное значение, но никто из нас одинаково не реагирует на одни и те же экстраординарные явления. Возьми, к примеру, меня...»

Он сделал паузу и продолжил.

«Я знаю, Денни, что могу сказать тебе это, поскольку ты обладаешь столь поразительно неиспорченным характером – чистым, прекрасным, прямым, целеустремленным и тому подобное. Ты не станешь неправильно истолковывать мои слова, как это сделал бы какой-нибудь лукавый слабохарактерный человек».

Он снова запнулся.

«В самом деле, я думаю, что знаю то, что мне необходимо для новой стимуляции воображения. У меня появилась смутная идея насчет этого еще в ту пору, когда мы были в Париже, но теперь я совершенно уверился. Дружище, эта идея связана с Марселин, ее лицом и волосами, которые рождают ряд призрачных образов. Это не просто внешняя видимая красота, хотя, видит Бог, и ее достаточно, но нечто особенное, сугубо индивидуальное, чего нельзя точно выразить. Ты знаешь, в последние несколько дней я почувствовал присутствие такого стимула настолько остро, что, честно говоря, смог бы превзойти себя – создать настоящий шедевр, если бы у меня были краски и холст в те моменты, когда ее лицо и волосы волновали и возбуждали мое воображение. В этом есть что-то сверхъестественное, потустороннее, относящееся к туманной древности, которую представляет Марселин. Я не знаю, сколь много она рассказала тебе об этой своей черте, но, уверяю, эта черта весьма значительна. Она

имеет какие-то таинственные связи с вне...»

Какое-то изменение в выражении лица Дени в этот момент, видимо, остановило говорящего, после чего последовал длительный период тишины. Я был чрезвычайно взволнован, поскольку не ожидал такого развития разговора, и задавался вопросом, о чем думает мой сын. Мое сердце бешено колотилось, и я, как мог, напряг свой слух. Затем Марш продолжил.

«Конечно, ты ревнуешь – я понимаю, как должны были прозвучать мои слова, но я могу поклясться, что у тебя нет повода для ревности».

Дени не отвечал, и Марш снова заговорил.

«По правде говоря, я никогда не мог бы влюбиться в Марселин – я не мог бы стать даже ее близким другом в самом доверительном смысле. Почему, черт побери, я чувствовал себя лицемером, общаясь с ней эти дни?»

Дело в том, что одна ее часть каким-то образом гипнотизирует меня – очень странным, фантастическим и ужасным образом – также как другая ее часть гипнотизирует тебя, аномально очаровывая. Я вижу в ней нечто, или если быть более точным в психологическом отношении – нечто вне ее – чего ты вообще не видишь. Нечто, выражающее яркие зрелища образов из забытых бездн, возбуждающее во мне желание рисовать невероятные предметы, которые исчезают, лишь только я пытаюсь рассмотреть их внимательнее. Не заблуждайся, Денни, твоя жена – великолепное существо,

роскошное проявление космических сил; и она имеет право называться божественной, если на Земле вообще что-то имеет на это право!»

Ситуация, наконец, прояснилась, хотя пространное заявление Марша вкупе с высказанными им комплиментами Марселин не могли разоружить и успокоить такого ревностного супруга, каким был Дени. Марш, очевидно, и сам понял это, поскольку в дальнейших его словах прибавилось оттенка доверительности.

«Я должен нарисовать ее, Денни, должен нарисовать эти волосы – и ты не пожалеешь. В ее волосах есть нечто большее, чем смертельная красота...»

Он сделал паузу, и я опять задался вопросом, о чем думает Дени. И о чем, кстати, я сам думал? Был ли интерес Марша исключительно интересом художника, или он просто увлекся Марселин, как и Дени? Я полагал, что во времена их совместной учебы он завидовал моему сыну; и я смутно чувствовал, что это чувство сохранилось до сих пор. С другой стороны, речь художника звучала удивительно искренне. Чем больше я думал об этом, тем больше я склонялся к тому, чтобы поверить Маршу. Дени, казалось, также согласился с художником, поскольку, хотя я не смог расслышать его ответ, произнесенный тихим голосом, по реакции художника было ясно, что его слова нашли подтверждение.

Затем я услышал, как кто-то из них хлопнул друго-

го по спине, после чего Марш произнес благодарную речь, которую я надолго запомнил.

«Это великолепно, Денни, и, как я только что сказал тебе, ты никогда не пожалеешь об этом. В некотором смысле, я наполовину делаю это ради тебя. Ты будешь потрясен, когда увидишь это. Я верну тебя назад, где ты и должен быть

– дам тебе пробуждение или своего рода спасение – но ты пока не можешь увидеть того, что я имею в виду. Только помни нашу старую дружбу, и не отягощайся мыслью, будто я уже не та старая птица, что раньше!»

Я пребывал в полном недоумении, когда видел их, прогуливающихся вдвоем и дружески покуривающих в унисон друг другу. Что Марш подразумевал своим странным и почти зловещим увещеванием в конце беседы? Чем больше мои страхи рассеивались в одном направлении, тем сильнее они становились в другом. С какой стороны ни посмотреть, это казалось довольно подозрительным делом.

Но события уже начались. Дени обустроил аттическую комнату с застекленной крышей, а Марш отправил посыльного за всеми необходимыми инструментами художника. Все были весьма возбуждены новым предприятием, а я был, по крайней мере, доволен тем, что это могло нарушить нависшее напряжение в доме. Скоро закипела работа, и все воспринимали ее совершенно серьезно, поскольку Марш расценивал свой

труд как важный творческий акт. Дени и я имели обыкновение медленно бродить по дому, как будто здесь происходило что-то священное, и этим священным было то, что делал Марш.

Однако я сразу заметил, что с Марселин дело обстояло по-другому. Как бы себя ни вел Марш во время рисования, ее реакция была проста и очевидна. Любым возможным способом она потакала откровенному безумству художника и в то же время отвергала проявления любви Дени. Странно, я ощущал это более отчетливо, чем Дени, и пытался придумать, каким образом успокоить сознание сына до тех пор, пока это дело не будет завершено. Не было смысла указывать ему на особенности поведения Марселин, поскольку это никак не помогло бы ему.

Наконец, я решил, что Дени лучше быть подальше отсюда, пока имеет место эта неприятная ситуация. Я хорошо представлял себе Марша и был уверен, что когда он рано или поздно закончит картину, просто уедет. Мое мнение о чести Марша было таковым, что я не ожидал какого-то плохого развития этой истории. Когда он закончит, Марселин позабудет о своем новом безрассудном увлечении и снова приберет Дени к рукам.

Я написал длинное письмо своему торговому и финансовому агенту в Нью-Йорке и изложил ему план, согласно которому мой сын будет вызван туда на неопределенное время. Я попросил агента написать о том,

что наши дела безотлагательно требуют отъезда одного из нас на Восток, и, конечно, моя болезнь дала ясно понять, что я не могу покинуть дом. Предполагалось, что, когда Дени приедет в Нью-Йорк, он найдет достаточно дел, которые займут его на нужный срок.

Схема сработала безукоризненно, и Дени, ничего не подозревая о моем замысле, отправился в Нью-Йорк; Марселин и Марш сопровождали его в автомобильной поездке к мысу Жирардо, где он пересел на полуденный поезд в Сент-Луис. Они возвратились затемно, и пока Мак-Кэйб ставил машину в гараж, я услышал, как они разговаривают на веранде, сидя в тех же самых креслах возле высокого окна, где недавно Марш и Дени вели подслушанную мной беседу на тему портрета. В этот раз я тоже решил узнать, о чем говорят сидящие на веранде, так что я тихо спустился к переднему окну и затаился на ближайшем диване.

Сначала я не мог ничего расслышать, но вскоре оттуда донесся звук перемещения кресла, за которым последовал короткий энергичный вздох и что-то вроде жалобного нечленораздельного возгласа Марселин. Затем я услышал, как Марш заговорил странным почти официальным тоном.

«Я был бы рад поработать сегодня вечером, если вы не слишком устали».

Ответ Марселин был столь же жалобным, как и ее недавнее восклицание. Как и Марш, она заговорила

по-английски.

«О, Фрэнк, неужели это все, что вас интересует? Всегда одна работа! Разве мы не можем посидеть здесь в этом великолепном лунном свете?»

Он ответил с некоторой досадой, в его голосе помимо обычного артистического энтузиазма промелькнули нотки раздражения.

«Лунный свет! Боже правый, какая дешевая сентиментальность! Для такого сложного человека, как вы, просто удивительно придерживаться самого безвкусного вздора, который когда-либо печатался в бульварных романах! При той возможности соприкоснуться с искусством, которая есть у вас, вы думаете о луне – дешевой, как огни в варьете! Может быть, это заставляет вас думать о ритуальных танцах вокруг каменных столбов в Аутеиуле? Черт возьми, что у вас за манера смотреть таким пустым стеклянным взглядом! Но нет – я полагаю, что теперь вы все это отбросили. Для мадам де Рюсси больше нет магии атлантов или обрядов змеиных волос! Я единственный, кто помнит древность, явившуюся в храмах Танит и отобразившуюся на валах Зимбабве. Но я не буду увлекаться этими воспоминаниями – они выразятся в одной вещи на моем холсте, вещи, которая вызывает изумление и кристаллизует тайны 75000 лет...»

Марселин прервала его голосом, полным смешанных эмоций.

«Как раз вы теперь дешево сентиментальны! Вы хорошо знаете, что старые вещи лучше оставить в покое. Всем вам лучше закрыть глаза, если я когда-нибудь стану исполнять древние обряды или попробую пробудить то, что скрывается в Йуготе, Зимбабве и Р'Лайхе. Я думала, что у вас больше здравого смысла!»

«У вас непорядок с логикой. Вы хотите, чтобы я был заинтересован как можно красочнее отобразить вас на картине, однако никогда не позволяете мне видеть то, что вы делаете. Всегда черная ткань поверх этого! Это очень важно для меня – если бы мне только увидеть...»

Марш сделал паузу, в его голосе чувствовались жесткость и напряжение.

«Нет. Не сейчас. Вы увидите это в надлежащее время. Вы говорите, что это имеет для вас значение – да, так и есть, даже больше. Если бы вы знали, вы бы не были столь нетерпеливы. Бедный Дени! Боже мой, как мне жаль!»

Мое горло внезапно пересохло, в то время как их лихорадочные голоса сделались оглушительно громкими. Что имел в виду Марш? Неожиданно я увидел, что он прервал разговор и вошел в дом в одиночестве. Я услышал, как хлопнула парадная дверь, и его шаги раздались на лестнице. С веранды все еще доносилось тяжелое гневное дыхание Марселин. С болью в сердце я отошел от окна, чувствуя, что должны про-

изойти еще очень серьезные события, прежде чем я смогу спокойно позволить Дени возвратиться.

После того вечера атмосфера в доме стала еще напряженнее, чем прежде. Марселин привыкла к лестности и восхищению со стороны окружающих, и шок от нескольких грубых слов Марша оказался слишком велик для ее характера. Никому в доме не стало возможно жить с ней, поскольку после отъезда бедного Дени она принялась изводить своими оскорблениями всех домашних. Когда Марселин не находила внутри дома никого, с кем можно было бы поскандальничать, она отправлялась в хижину Софонисбы и проводила там многие часы, разговаривая со зловещей зулусской старухой. Тетя Софи была единственным человеком, кто мог вести себя достаточно униженно, чтобы общаться с ней, и когда я однажды попробовал подслушать их диалог, то обнаружил, что Марселин шептала что-то о «древних секретах» и «неведомом Кадате», в то время как негритянка, раскачиваясь туда-сюда в своем кресле, время от времени издавала нечленораздельные звуки почтения и восторга.

Но ничто не могло разрушить ее безумное увлечение Маршем. Она разговаривала с ним весьма грустным и злым тоном, однако становилась все более послушной его желаниям. Для него это было очень удобно, так как теперь он получил возможность использовать ее в качестве натурщи всякий раз, когда собирал-

ся рисовать. Он пытался выразить благодарность за ее отзывчивость, но, думаю, даже в его изысканной вежливости крылись своего рода неуважение и неприязнь. Что касается меня, то я искренне ненавидел Марселин! В те дни ничто не могло смягчить это чувство. И, конечно, я был доволен, что Дени находился далеко отсюда. Его письма, не столь частые, как мне хотелось бы, несли печать волнения и тревоги.

К середине августа по замечаниям Марша я понял, что портрет был почти готов. Его настроение казалось все более и более сардоническим, хотя характер Марселин немного улучшился в связи с перспективой увидеть предмет, щекотавший ее тщеславие. Я до сих пор помню тот день, когда Марш сказал, что закончит работу в течение недели. Марселин заметно похорошела, хотя продолжала ядовито посматривать на меня. Казалось, будто ее намотанные волосы сжались вокруг головы.

«Я должна первой увидеть портрет!» – заявила она. Затем, улыбнувшись Маршу, она сказала:

«А если он мне не понравится, я порву его на кусочки!»

Во время ответа на лице Марша появилось самое загадочное выражение, какое я когда-либо видел у него.

«Я не могу ручаться за ваш вкус, Марселин, но, клянусь, это будет великолепно! Не потому, что я хочу до-

биться какой-то особенной благодарности

– искусство ценно само по себе, – но этот портрет должен быть написан. Только подождите еще немного!»

В течение следующих нескольких дней у меня было зловещее предчувствие, как будто завершение картины предполагало некую катастрофу вместо облегчения. Дени ничего не писал мне, а агент в Нью-Йорке сказал, что мой сын планировал какую-то поездку в деревню. Я задавался вопросом, каковы будут последствия окончания работы Марша. Какое странное сочетание элементов

– Марш и Марселин, Дени и я! Как эти элементы в конечном счете будут реагировать друг на друга? Когда мои опасения стали слишком большими, я попробовал связать их со своей болезнью, но это объяснение совершенно не удовлетворило меня.

IV Итак, во вторник 26 августа, наконец, произошло это событие. Я встал раньше обычного, позавтракал, но затем почувствовал себя довольно плохо из-за боли в позвоночнике. С недавних пор они ужасно беспокоили меня, и я был вынужден принимать опиий, когда боль становилась совершенно невыносимой. Внизу еще никого не было, за исключением слуг, хотя я слышал, как Марселин вышла из своей комнаты. Марш спал в аттической комнате, превращенной в студию, и поскольку он работал преимущественно в позднее

время, то редко вставал раньше полудня. Приблизительно в десять часов боль взяла верх надо мной, и я принял двойную дозу опия и лег в комнате на диване. Последнее, что я слышал, были шаги Марселин наверху. Жалкое создание – если бы вы знали! Она, должно быть, прохаживалась перед длинным зеркалом, любуясь собой. Это было типично для нее. Тщеславие от начала до конца – упоение собственной красотой, такое же, как упоение той небольшой роскошью, которую Дени смог предоставить ей.

Я не просыпался до заката и сразу понял, сколько времени проспал, по золотистому свету и длинным теням за окном. Никого поблизости не было, и своеобразная тишина, казалось, парила надо всем. Внезапно вдалеке послышался слабый стон, дикий и прерывистый, который показался мне смутно знакомым. Я не склонен к каким-то внутренним предчувствиям, но на этот раз я сразу очень испугался. Мне снились сны – более страшные, нежели те, что снились в предыдущую неделю, и теперь они жутко сочетались с темной мучительной действительностью. Во всем этом месте застыла ядовитая атмосфера. Позже я подумал, что некоторые звуки, должно быть, проникли в мой бессознательный мозг в течение сна. Моя боль, тем не менее, значительно спала, и я без труда встал и принялся ходить.

Достаточно скоро я убедился в том, что произошло

что-то неладное. Марш и Марселин могли кататься верхом, но кто-то должен был готовить обед на кухне. Вместо этого была только тишина, кроме того отдаленного то ли стопа, то ли завывания, то ли вопля. Никто не ответил, когда я подергал старомодный шнур звонка, чтобы позвать Сципиона. Затем, в надежде найти кого-нибудь, я стал бродить по дому и вскоре увидел пятно, расплзшееся на потолке – яркое пятно, которое, должно быть, проникло сквозь пол комнаты Марселин.

Мгновенно я забыл о своих недугах и поспешил наверх, чтобы выяснять, что случилось. Все ужасы, что могут происходить под солнцем, промелькнуло в моем сознании, пока я боролся с деформированной сыростью дверью ее тихой комнаты, и наиболее отвратительным в этом было ужасное ощущение и роковое ожидание каких-то зловещих событий. На меня давила мысль о том, что безымянный ужас, наконец, прорвался, что запредельное, космическое зло нашло пристанище под крышей моего дома, результатом чего могли быть только кровь и трагедия.

Дверь, наконец, поддавалась, и я, запинаясь, вошел в большую комнату, затененную ветвями больших деревьев за окнами. На мгновение я ничего не мог делать, кроме как вздрагивать от омерзительного зловония, ворвавшегося в мои ноздри. Затем, включив электрический свет и оглядевшись вокруг, я остановил взгляд

на невыразимом богохульном предмете, лежавшем на желто-синем коврике.

Предмет лежал вниз лицом в большой луже темной густой крови, и на его обнаженной спине виднелся окровавленный отпечаток башмака. Кровь была разбрызгана повсюду – на стенах, на мебели и на полу. Мои колени подогнулись, пока я разглядывал эту сцену, так что я был вынужден резко упасть в кресло. Этим предметом, очевидно, был человек, хотя поначалу идентифицировать его было непросто, так как на нем не было одежды, а большинство волос на голове было варварски вырезано или, скорее, вырвано. Тело человека имело цвет темной слоновой кости, и я понял, что это, видимо, была Марселин. Отпечаток башмака на спине придавал телу еще более чудовищный вид. Я не мог даже представить странную, ужасную трагедию, которая, должно быть, имела здесь место, пока я спал в нижней комнате. Когда я поднял руку, чтобы обтереть капли на лбу, я увидел, что мои пальцы были перепачканы липкой кровью. Я вздрогнул, а затем понял, что кровь, вероятно, находилась на поверхности двери, которую неизвестный преступник, выходя, закрыл. Он забрал оружие с собой; так я решил, поскольку никаких смертоносных инструментов здесь не было видно.

Исследуя пол, я обнаружил группу липких отпечатков, похожих на тот, что был на теле, которые вели

от этого ужасного предмета к двери. Был также и другой след крови, причем его происхождение казалось мне необъяснимым – широкая непрерывная линия, как будто отмечавшая путь какой-то огромной змеи. Сначала я решил, что он возник, должно быть, из-за того, что чего убийца волочил что-то за собой. Затем, заметив, что некоторые из отпечатков ног накладывались на этот загадочный след, я был вынужден допустить, что он появился еще до того, как убийца вышел из комнаты. Но какое ползающее существо могло находиться здесь вместе с жертвой и преступником и при этом покинуло комнату до того, как убийца закончил свое дело? Задав себе этот вопрос, я обратил внимание на новую серию отдаленных призрачных возгласов.

Наконец, с трудом очнувшись от летаргического ужаса, я снова сдвинулся с места и стал следовать отпечаткам на полу. Я не мог даже предположить, кто был убийцей, так же как не мог объяснить отсутствие слуг. Я смутно ощущал, что должен подняться в аттическую комнату Марша, но прежде, чем эта идея окончательно созрела в моем мозгу, я увидел, что кровавый след действительно ведет меня туда. Был ли Марш убийцей? Неужели его свела с ума напряженная атмосфера в доме, и он внезапно сорвался?

В аттическом коридоре след ослабел, и отпечатки почти исчезли, сливаясь с темным ковром. Однако я все еще мог различить странную одинокую линию,

предшествующую основному следу; она вела прямо к закрытой двери студии Марша, исчезая примерно в середине щели под ней. Очевидно, она пересекла порог в тот момент, когда дверь была широко открыта.

Мое сердце тяжело стучало от усталости, но я взялся за ручку двери и обнаружил, что она не заперта. Открыв ее, я немного постоял в тусклом свете вечернего зарева, чтобы подготовиться к тому новому кошмару, который мог ожидать меня. На полу явно было что-то, напоминающее человека, и я включил лампу.

Как только вспыхнул свет, я увидел этот ужасный предмет – это был бедняга Марш, – а затем я в неверии и отчаянии уставился на то живое существо, что дрожало и смотрело на меня из открытого дверного проема, ведущего в спальню Марша. Это был взъерошенный человек с безумным взглядом, покрытый засохшей кровью и держащий в руке жуткое мачете, которое служило одним из украшений на стене студии. Однако даже в этот чудовищный момент я узнал в нем того, кто, по моему мнению, должен был быть в тысяче миль отсюда. Это было мой сын Дени – или безумец, который когда-то было Дени.

Мое появление вроде бы частично привело его в сознание или, по крайней мере, вернуло память моему несчастному мальчику. Он выпрямился и попытался поднять голову, как будто старался отряхнуться от мрачного воздействия окружающей обстановки.

Я не мог вымолвить ни слова, но лишь двигал губами. Мой взгляд на мгновение упал на фигуру, лежащую на полу перед тяжело задрапированным плотной тканью мольбертом – фигуру, к которой вел странный кровавый след и которая, казалось, была оплетена какими-то темными вязкими нитями. Направление моего взгляда, очевидно, нашло отклик в смятенном сознании Дени, поскольку он внезапно начал бормотать хриплым шепотом какие-то слова, смысл которых я скоро ухватил.

«Я должен был уничтожить ее... она была дьяволом... верховной жрицей вселенского зла... отродье бездны... Марш знал и пытался предупредить меня. Добрый старина Фрэнк – я не убивал его, хотя и был готов к тому прежде, чем, наконец, все понял. Но я понял – и уничтожил ее... а затем эти проклятые волосы...»

Я в ужасе слушал его; Дени на секунду поперхнулся от волнения, остановился, и снова продолжил.

«Ты не знал... ее письма стали странными, и я понял, что она влюбилась в Марша. Потом она почти прекратила писать. Он никогда не упоминал о ней, и я чувствовал, что что-то не так. Я подумал, что должен возвратиться и выяснить, в чем дело. Я не стал предупреждать тебя, поскольку ты вряд ли согласишься бы со мной. Я хотел удивить их. Приехав сегодня около полудня, я зашел в дом и отослал всех слуг, оставив только полевых рабочих, поскольку их хижины находятся вне

пределов слышимости. Я сказал Мак-Кэйбу, чтобы тот получил для меня кое-какие вещи на мысе Жирардо и не особо старался вернуться завтрашнего дня. Я велел Мэри отвезти всех негров на старом автомобиле в деревню Бенд-Виллэдж на отдых, сообщив им, что мы собираемся отъехать на что-то вроде пикника и не будем нуждаться в их услугах. Затем я сказал тем, кто остался охранять негритянские домики, что им лучше остаться на всю ночь у двоюродного брата дяди Сципа».

Речь Дени стала совершенно бессвязной, и мне пришлось напрягать слух, чтобы разбирать каждое слово. Мне вновь показалось, что я слышу отдаленный дикий вопль, но Дени продолжил свой рассказ.

«Я увидел, что ты спишь в нижней комнате и вряд ли вскоре проснешься. Затем я стал тихо красться наверх, чтобы застать врасплох Марша и... ту женщину!»

Мой сын вздрогнул, не решившись произнести имя Марселин. В тот же момент я увидел, что его глаза расширились одновременно с разорвавшим тишину криком, который теперь производил впечатление все более знакомого.

«Ее не было в своей комнате, поэтому я поднялся в студию. Дверь была закрыта, и я услышал голоса внутри. Я не стал стучать – просто ворвался в помещение и увидел ее позирующей для картины. Обнаженную, но всю обвитую адскими волосами. И всеми возможными

способами строящую глазки Маршу. Мольберт стоял довольно далеко от двери, так что я не мог видеть изображение. Их обоих очень потрясло мое вторжение, и Марш опустил свою кисть. Я был в гневе и сказал ему, что он должен показать мне портрет, но он постепенно успокоился и заявил мне, что работа еще не закончена. Осталось день или два – а затем я увижу картину, в то время как она ее еще не видела.

Но это не удовлетворило меня. Я принялся настаивать, но он покрыл портрет бархатной завесой прежде, чем я смог разглядеть его. Он был готов сопротивляться, дабы не позволить мне увидеть полотно, но она... она поднялась со своего места и подошла ко мне. Сказала, что мы должны увидеть это. Фрэнк ужасно разозлился и ударил меня кулаком, когда я, в свою очередь, попытался ударить его и сдернуть завесу. Я отразил удар и буквально нокаутировал его. Затем я был практически оглушен тем воплем, что издало это... существо. Она сама сняла покрывало и бросила взгляд на то, что нарисовал Марш. Я оглянулся и увидел, что она, как сумасшедшая, выбежала из студии – а затем я увидел изображение».

Безумие вновь вспыхнуло в глазах моего сына, когда он дошел до этого места в рассказе, и на секунду мне показалось, что он готов наброситься на меня с мачете. Но после паузы он немного успокоился.

«О, Боже – этот портрет! Никогда не смотри на него!

Сожги его вместе с драпировкой и брось пепел в реку! Марш знал – и предупреждал меня. Он знал, что на самом деле представляла собой эта женщина... или леопард, или горгона, или ламия, чем бы она ни была. Он пытался намекать мне на это еще с тех пор, как я встретил ее в парижской студии Марша, но это нельзя было выразить словами. Я полагал, что люди клеветали на нее, когда шептали ужасные вещи – она загнипнотизировала меня так, что я не мог верить простым фактам – но это изображение выдало ее тайну целиком – всю ее чудовищную сущность!

Боже, ведь Фрэнк – великий художник! Этот портрет – самое грандиозное произведение, которое создала живая душа с эпохи Рембрандта! Было бы преступлением сжечь его – но гораздо большим преступлением будет позволить ему существовать; точно так же было бы отвратительным грехом позволить этой женщине-демону продолжать жить. В ту минуту, когда я разглядывал картину, я понял, кем она была и какую роль она играла в кошмарной тайне, пришедшей к нам со времени Ктулху и Старцев – тайне, которая была почти стерта, когда погрузилась в океан Атлантида, но сохранилась в скрытых традициях, аллегорических мифах и запретных полуночных ритуалах. Ты должен знать, что ее культ был настоящим, ни намека на подделку. Было бы великим благом, если бы ее культ оказался имитацией. Но это было старая, отвратительная тень того,

что философы никогда не смели упоминать – то, на что намекает Некрономикон и отображается в символической форме в колоссах острова Пасхи.

Она думала, что мы не могли распознать ее, что ложная внешность будет удерживать нас до тех пор, пока мы за бесценку не продадим свои бессмертные души. И была отчасти права – мою душу она, в конце концов, получила. Ей нужно было всего лишь ждать. Но Фрэнк – добрый старина Фрэнк – был намного умнее и проницательнее меня. Он знал, что все это значило, и решил нарисовать ее. Я не сомневаюсь в том, что пронзительно взвизгнула и убежала именно тогда, когда увидела картину. Портрет еще не был полностью готов, но, видит Бог, и этого было достаточно.

Затем я понял, что должен убить ее – уничтожить ее и все, что связано с ней. Это была инфекция, которую не могла вынести здоровая человеческая кровь. Было также еще кое-что – но ты никогда не узнаешь, если сожжешь изображение, не взглянув на него. Я ворвался в ее комнату с этим мачете, что снял со стены, оставив все еще оглушенного Фрэнка лежащим на полу. Он, однако, дышал, и я знал и благодарил небеса за то, что не убил его.

Я застал ее перед зеркалом, заплетающую свои проклятые волосы. Она обернулась ко мне, как дикий зверь, и начала буквально выплевывать наружу свою ненависть к Маршу. Тот факт, что она была влюблена

в него – и я знал об этом – только усугублял ее злобу. В течение минуты я не мог двигаться, и она едва не гипнотизирования меня. Затем я подумал об изображении, и это нарушило короткий период ее очарования. Она поняла это по моим глазам и, должно быть, также заметила и мачете. Я никогда не видел такого дикого взгляда даже у зверей из джунглей, какой она бросила на меня. Она прыгнула на меня, подобно леопарду, растопырив когтями, но я оказался быстрее. Я взмахнул мачете, и этим все кончилось».

Дени снова был вынужден остановиться, и я наблюдал, как пот стекает по его лбу через брызги крови. Но через мгновение он продолжил хриплым голосом.

«Я сказал, что этим все кончилось – но, Господи! Борьба еще только началась! Я чувствовал, что сражался с легионами Сатаны, и под конец оставил след своей ноги на спине той твари, которую уничтожил. Затем я видел, что богохульная прядь густых черных волос начинает скручиваться и извиваться сама по себе.

Я мог бы догадаться об этом. Об этом говорилось в древних легендах. Эти проклятые волосы имели собственную жизнь, которую нельзя было прекратить, уничтожив лишь само существо. Я знал, что должен сжечь их и начал рубить волосы мачете. Боже, это была дьявольская работа! Они были жесткие – как будто железные провода, – но я сумел сделать это. Но самым отвратительным было смотреть на то, как корчится и со-

противляется этот большой моток волос.

В тот момент, когда мне оставалось разрубить или раздавить последнюю прядь, я услышал какой-то жуткий крик, раздавшийся позади дома. Тебе он знаком – он все еще периодически продолжается. Я не знаю, что чей это был крик, но он, должно быть, как-то связан с этим адским делом. Он едва ли похож на что-либо, слышанное мною раньше, но явно не к добру. В первый раз, когда я услышал этот крик, он очень больно ударил по моим нервам, и я упустил несколько волос. Но затем мне пришлось вести еще более трудную битву

– в следующую секунду локон повернулся ко мне, и из одного из его концов, самостоятельно связавшегося в узел, подобный какой-то гротескной голове, высунулся ядовитый язык. Я ударил его мачете, и он отвернулся. Затем, когда я снова смог вздохнуть, оправившись от шока, вызванного криком и необычным превращением волос, я увидел, что чудовищный предмет пополз по полу, как большая черная змея. На некоторое время я застыл в бессилье, но когда эта тварь исчезла под дверь, я смог сдвинуться с места и, спотыкаясь, побрел вдогонку. Я держался широкого кровавого следа, который вел вверх. Он привел меня сюда – и пусть небеса проклянут меня, если я не видел через дверной проем, как тварь, подобно взбесившейся гремучей змее, и с той же яростью, с какой она кидалась на меня, набросилась на бедного, лишённого сознания Марша,

а затем, наконец, обвилась вокруг него, как питон. Он начал приходить в сознание, но эта гнусная змея обхватила его прежде, чем он встал на ноги. Я знал, что вся ненависть женщины-демона была в этой змее, но я не мог добить ее. Я пытался спасти Фрэнка, но это было выше моих сил. Даже мачете оказалось бесполезным – я не мог свободно размахнуться им, не рискуя рассечь Фрэнка на куски. Я видел, как напряглись эти чудовищные кольца, видел несчастного Фрэнка, умирающего на моих глазах – и все время откуда-то издали доносился этот ужасный призрачный вой.

Это все. Я поместил бархатную ткань над картиной и надеюсь, что она никогда не будет снята. Портрет должен быть сожжен. Я не смог оторвать мерзкие кольца от тела бедного Фрэнка – они буквально въелись в него, как какая-то щелочь, и кажется, утратили всякую подвижность. Это было похоже на то, как будто этот змееобразный локон выразил своего рода извращенную нежность к человеку, убитому им – вцепился в него... обнял его. Ты должен сжечь несчастного Фрэнка вместе с этими волосами – и, ради Бога, не забудь спалить их до состояния пепла. Их и картину. Они все должны сгореть. Сохранность мира требует, чтобы они сгорели».

Дени мог бы прошептать больше, но новый взрыв далекого вопля прервал его. Впервые мы поняли, что это было, поскольку повернувший на запад ветер, на-

конец, донес до нас слова. Нам следовало распознать их еще давно, так как звуки, очень похоже на этот, часто исходили из одного и того же источника. Это была Софонисба, старая сморщенная зулусская ведьма, которая заискивала перед Марселин, выкрикивая из своей хижины те же слова, что теперь венчали эту кошмарную трагедию. Мы оба могли расслышать некоторые фразы, которые она произносила воющим голосом, и поняли те загадочные исконные вещи, что связывали эту дикую колдунью с другой наследницей древних тайн, только что убитой. Часть слов, которые она использовала, выдавали ее приверженность демоническим традициям забытых эпох.

«Иэ! Иэ! Шуб-Ниггурат! Йа Р'Лайх! Н'гаги н'булу бвана н'лоло! Йа, йо, бедная Миссис Танит, бедная Миссис Изиды! Марсе Клулу, появишься из воды и забери свою дочь – она умерла! Она умерла! У волос больше нет никакой хозяйки, Марсе Клулу. Старая Софи, она знает! Старая Софи, она получила черный камень из Большого Зимбабве в старой Африке! Старая Софи, она танцевала в лунном свете вокруг камня крокодила до того, как Н'бангус поймал ее и продал на корабль, перевозящий людей! Нет больше Танит! Нет больше Изиды! Нет больше женщины-ведьмы, которая бы хранила огонь горящим в большом каменном месте! Йа, йо! Н'гаги н'булу бвана н'лоло! Иэ! Шуб-Ниггурат! Она умерла! Старая Софи знает!»

На этом вопль не закончился, но это все, на что я смог обратить внимание. Выражение лица моего сына говорило о том, что это напомнило ему о чем-то ужасном, и мачете, сжатое в его руке, не сулило ничего хорошего. Я знал, что он был в отчаянии, и прыгнул на него, чтобы разоружить его прежде, чем он смог бы наделать беду.

Но я опоздал. Старик с большим позвоночником не способен на многое. Между нами произошла упорная борьба, длившаяся много секунд, но он все-таки заколол себя. Я не уверен, но, кажется, он пытался убить и меня. Его последние слова, произнесенные задыхающимся голосом, касались необходимости уничтожить все, что было связано с Марселин – кровью или браком.

В Больше всего меня тогда поразило то, что я не сошел с ума в тот момент или спустя часы. Передо мной лежало мертвое тело моего сына – единственного человека, о котором я должен был заботиться, а в десяти футах, возле окутанного мольберта, находился труп его лучшего друга, обмотанный ужасным безымянным локоном. В нижней комнате лежал оскальпированный труп женщины-чудовища, относительно которой я был готов поверить чему угодно. Я был слишком ошеломлен, чтобы пытаться проанализировать правдивость рассказа о волосах – и даже если бы я не был так шокирован, этого мрачного воя, исходившего из хижины

тети Софи, было достаточно, чтобы снять все сомнения.

Если бы мне хватило мудрости, я бы сразу выполнил то, о чем просил бедный Дени – то есть сжег картину и обвившие тело Марша волосы, не проявляя к ним любопытства – но я был слишком возбужден, чтобы проявить мудрость. Кажется, я долго бормотал какой-то вздор над моим мальчиком, а затем вспомнил, что ночь уже заканчивается, и вскоре с наступлением утра возвратятся слуги. Было ясно, что нужно как-то объяснить им этот инцидент, и я решил, что должен спрятать все его мрачные свидетельства и выдумать какую-нибудь историю.

Тот моток волос вокруг Марша представлял собой кошмарную вещь. Пытаясь проткнуть его мечом, снятым со стены, мне показалось, что я почти ощущаю, как он еще сильнее сжимает кольца на мертвом чловеке. Я не посмел коснуться его – и чем дольше я рассматривал, тем более ужасные особенности замечал в нем. Одна особенность подала мне начальную идею. Я не стану говорить о ней – но это частично объясняло необходимость в питании волос подозрительными ма-слами, как это всегда делала Марселин.

Наконец, я решил захоронить все три тела в подвале, засыпав их известью, которая находилась на складе. Это была ночь адской работы. Я вырыл три могилы; для моего сына подальше от двух других, по-

сколько я не хотел, чтобы он находился поблизости от тела этой женщины или ее волос. Я сожалел, что не смог оторвать локон от несчастного Марша. Это было ужасно, когда я укладывал их в могилы. Я использовал одеяла, чтобы перетащить женщину и бедного парня с прядью волос вокруг тела. Затем я принес два барреля извести со склада. Бог, вероятно, придал мне силу, поскольку я не только перенес их в погреб, но и без затруднений заполнил все три могилы.

Из части извести я сделал раствор для побелки, потом взял стремянку и поставил ее под потолком, сквозь который просочилась кровь. Затем я сжег почти все предметы из комнаты Марселин, очистив стены, пол и тяжелую мебель. Также я вымыл аттическую студию, следы и линии, которые вели туда. И все это время я слышал старую Софи, вопящую в отдалении. Должно быть, дьявол вселился в это создание, судя по тому, сколь долго продолжался ее крик. Но она всегда напевала подозрительные вещи. Именно поэтому занятые на полевых работах негры не испугались и не заинтересовались ею в ту ночь. Я запер дверь студии и спрятал ключ в своей комнате. Затем я сжег в камине всю свою испачкавшуюся одежду. К рассвету дом смотрелся вполне нормально, насколько мог бы решить любой случайный прохожий. Я не осмелился дотронуться до покрытого мольберта, но запланировал посмотреть на него позже.

Итак, на следующий день возвратились слуги, и я сообщил им, что молодежь отправилась в Сент-Луис. Никто из полевых рабочих вроде бы не видел и не слышал ничего особенного, а старая Софонисба прекратила свои вопли с восходом Солнца. После этого она уподобилась сфинксу и не произносила ни слова о том, что произошло в ее мрачном сознании накануне днем и ночью.

Позже я сделал ложное заявление о том, что Дени, Марш и Марселин вернулись в Париж и стали изредка общаться со мной по почте, отправляя оттуда письма (которые я написал сам, подделав их почерки). В разговорах с друзьями мне пришлось много лгать или умалчивать о некоторых событиях и вещах, но я понимал, что люди тайно предполагали, что я что-то скрываю. Я сфальсифицировал сообщения о смертях Марша и Дени во время войны и позже сказал, что Марселин ушла в женский монастырь. К счастью, у Марша уже не было родителей, а его эксцентричные манеры отчуждали его от родственников в штате Луизиана. Наверное, все сложилось бы намного лучше для меня, если бы я подчинился здравому смыслу и сжег картину, продал плантацию и вообще прекратил всякую активную деятельность ввиду своего взбудораженного перенапрягшегося сознания. Вы видите то, к чему привело мое безумие. Неурожаи зерновых культур, разошедшиеся один за другим рабочие, дом на грани пол-

ного разрушения, и сам я в качестве отшельника и темы для множества загадочных баек сельской местности. Никто не ходит здесь после наступления темноты, да и в любое другое время, и ничего с этим не поделаешь. Именно поэтому я понял, что вы должны быть чужаком.

А почему я остаюсь здесь? Я не могу полностью раскрыть вам причину этого. Это слишком близко связано с вещами, находящимися на самом краю разумной действительности. Возможно, этого бы не случилось, если бы я не рассмотрел изображение. Я должен был поступить так, как сказал бедный Дени. Поначалу я твердо намеревался сжечь картину, когда поднялся спустя неделю после трагедии в запертую студию, но сперва я все же посмотрел – и это все изменило.

Нет, бесполезно говорить о том, что я видел. Кстати, вскоре вы сами сможете увидеть это, хотя время и сырость выполнили свою работу. Я не думаю, что это причинит вам вред, но на меня картина произвела пагубное воздействие. Я знал слишком многое из того, что это значило.

Дени был прав – картина являла собой самый великий триумф человеческого искусства со времени Рембрандта, даже будучи незаконченной. Я понял это с самого начала и осознал, что несчастный Марш выразил этим рисунком свои главные декадентские принципы. В качестве художника он был тем же, кем был Бодлер

как поэт, – а Марселин была ключом, который размыкал его сокровенную цитадель гениальности.

Портрет буквально ошеломил меня, когда я снял с него покрывало – ошеломил прежде, чем я смог понять, чем в целом являлась картина. Ведь это только отчасти портрет. Марш вполне искренне утверждал, что он нарисовал не только Марселин, но и то, что он видел сквозь нее и вне нее.

Конечно, она была ключом к картине, но ее фигура образовывала лишь одну часть во всем изображении. Она была полностью обнажена, кроме той отвратительной сети волос, обвившихся вокруг нее, и, откинувшись, полулежала на своего рода скамье или диване, изготовленном в манере, непохожей на любую известную декоративную традицию. В одной руке она держала кубок чудовищной формы, из которого выливалась жидкость, чей цвет я и по сей день не могу описать или классифицировать – не знаю, где Марш достал такие краски.

Фигура и диван были расположены слева на переднем плане сцены самого странного характера, которую я когда-либо видел в своей жизни. Казалось, эта сцена представляла собой призрачную эманацию из сознания женщины, однако, с другой стороны, можно было допустить абсолютно противоположное предположение

– как будто сама женщина была только зловещим

отражением или галлюцинацией, вызванной фоновым пейзажем.

Я не могу сказать вам, находилась ли эта сцена внутри или вовне какого-то помещения – были ли изображены те адские своды изнутри или снаружи, были ли они действительно вырезаны из камня или являлись просто уродливыми, покрытыми грибками древовидными структурами. Геометрия всей совокупности объектов на картине была сумасшедшей – каждый предмет имел одновременно и острые, и тупые углы, густо перемешанные между собой.

И, Боже! Кошмарные формы, плавающие вокруг в этих бесконечных демонических сумерках! Богохульные твари, что, затаившись, с вождедением бросали взгляды на ведьмовском шабаше вместе с той женщиной – верховной жрицей! Черные косматые существа, которые сочетали в себе некоторые черты козла, голову и три лапы крокодила, а также ряд щупальцев на спине, а также плосконосые эгипаны, исполняющие таец, который знали и называли проклятым священники Египта!

Но этот пейзаж был не Египтом – это было раньше Египта, даже раньше Атлантиды, раньше легендарного Му и шепчущего мифа Лемурии. Это был исконный источник всего ужаса на этой земле, и картина ясно показывала, какой частью всего этого была Марсель. Я думаю, что это должен был быть кошмарствен-

ный Р'Лайх, сотворенный существами не нашей планеты – то, на что туманно намекали приглушенными голосами Марш и Дени. Р'Лайх изображался полностью покрытым водой, хотя, с другой стороны, было понятно, что все существа на картине свободно дышат.

Я не мог ничего поделать – только смотрел и дрожал, и вдруг увидел, что Марселин коварно следит за мной с холста своими чудовищными расширенными глазами. Это не было простым суеверием – Марш в своей симфонии рисунков и красок действительно захватил нечто из ее ужасной сущности, и она все еще продолжала злиться и ненавидеть, словно бы ее большая часть не была погребена в могиле под известью. Но самое отвратительное началось, когда некоторые из порожденных Гекатой змееобразных прядей волос стали подниматься сами по себе с поверхности картины и полезли наружу в комнату по направлению ко мне.

Затем произошло то, что стало для меня последним ужасом, и я понял, что навсегда стал одновременно надсмотрщиком и пленником. Она являлась тем, что дало жизнь первым туманным легендам о Медузе и других Горгонах, и что-то в моей взбудораженной душе было захвачено ею и обращено в камень. Никогда я не почувствую себя в безопасности от этих извивающихся змеевидных локонов – тех локонов, что изображены на картине, и тех, что захоронены под известью возле винных бочек. Слишком поздно я вспомнил рассказы

о том, что волосы мертвецов сохраняются фактически неизменными даже спустя столетия после погребений.

С тех пор моя жизнь превратилась в ужас и рабство. Я испытывал постоянный подспудный страх перед тем, что закопано в подвале. Меньше чем через месяц негры начали шептаться насчет большой черной змеи, ползавшей вокруг винных бочек с наступлением ночи, и о странном следе, который вел к другому пятну, удаленному на шесть футов. В конце концов, мне пришлось переместить все предметы в другую часть погреба, чтобы чернокожим не приходилось проходить мимо того места, где была замечена змея.

Потом полевые рабочие стали говорить о черной змее, посещавшей хижину старой Софонисбы каждый раз после полуночи. Один из них указал мне на след — и вскоре я выяснил, что тетя Софи сама начала наносить загадочные визиты в подвал большого дома, часами задерживаясь и бормоча у пятна, возле которого не осмеливался пройти мимо ни один чернокожий. Боже, как я был рад, когда старая ведьма умерла! Я абсолютно уверен, что некогда она была жрицей какого-то древнего и ужасного культа в Африке. Она, должно быть, прожила около ста пятидесяти лет.

Иногда мне кажется, что я слышу, как ночью что-то скользит вокруг дома. На лестнице, где отсутствуют некоторые ступеньки, раздается подозрительный шум, и замок на двери моей комнаты грохочет, как будто нечто

давит на него снаружи. Я, конечно, всегда держу свою дверь запертой. Иногда по утрам мне кажется, что я улавливаю неприятный запах в коридорах и замечаю призрачный вязкий след в пыли на полу. Я знаю, что должен сохранять волосы на картине, поскольку, если с ними что-нибудь случится, в этом доме найдутся существа, которые совершат быструю и ужасную месть. Я даже не решаюсь умереть – ведь жизнь и смерть безразличны для когтей того, кто пришел из Р'Лайха. И у него наверняка окажется что-нибудь под рукой, чтобы покарать меня за небрежность. Локон Медузы держит меня, и так будет всегда. Никогда не впутывайтесь в таинственный запредельный ужас, молодой человек, если вы цените свою бессмертную душу».

VI Когда старик закончил свою историю, я увидел, что керосин в маленькой лампе уже давно сгорел, а большая почти пуста. «Должно быть, скоро рассвет», – подумал я, а мой слух свидетельствовал о том, что гроза прекратилась. Рассказ шокировал меня, и я боялся взглянуть на дверь, чтобы ненароком не обнаружить, что она подвергается давлению со стороны какого-то неименуемого существа. Сложно сказать, какое чувство преобладало во мне – абсолютный ужас, скепсис или своего рода болезненное фантастическое любопытство. Я полностью утратил дар речи и был вынужден ждать, когда мой странный хозяин прервет молчание.

«Вы хотите увидеть портрет?»

Его голос был низким и колеблющимся, и я понял, что он спрашивает совершенно серьезно. Из смеси моих эмоций верх взяло любопытство; я тихо кивнул. Он встал, зажег свечу, стоявшую на ближнем столе, и поднял ее высоко перед собой, открывая дверь.

«Пойдемте со мной наверх».

Меня пугала перспектива снова идти по тем заплеванным коридорам, но обаяние тайны преодолело тошноту. Ступеньки скрипели под нашими ногами, и однажды я сильно вздрогнул, когда, как мне показалось, я увидел в пыли на лестничной площадке смутный линейный след, словно от веревки.

Хилые ступени лестницы, ведущей в аттическую комнату, издавали громкий шум. Я был рад необходимости глядеть под ноги строго перед собой, поскольку это давало мне оправдание не смотреть вокруг. Аттический коридор был черным, как смоль; его густо покрывали паутина и пыль глубиной в дюйм – за исключением тех мест, где извилистый след вел к двери, заканчиваясь слева от нее. Отметив гнилые остатки толстого ковра, я подумал о других ногах, что ступали по нему в былые десятилетия – о ногах и одном существе, которое не имело ног.

Старик подвел меня прямо к двери в конце извилистой дорожки и секунду возился с ржавым замком. Я был сильно напуган, сознавая, что картина находится

совсем близко, однако не осмеливался отступить назад. Затем мой хозяин жестом пригласил меня войти в пустую студию.

Свет свечи был очень слабым, но обеспечивал возможность рассмотреть главные особенности помещения. Я заметил низкую косую крышу, огромное расширенное мансардное окно, всякие забавные и почетные предметы, висевшие на стене – и, прежде всего, большой окутанный мольберт в центре студии. Де Рюсси подошел к этому мольберту и убрал в сторону пыльную бархатную завесу, а затем молча предложил мне приблизиться. Мне потребовалось немало мужества, чтобы заставить себя подчиниться, особенно когда в дрожащем сиянии свечи я увидел, как глаза моего хозяина расширились после того, как он посмотрел на открытый холст. Но снова любопытство побеждало все прочие чувства, и я подошел к тому месту, где стоял де Рюсси. Затем я увидел этот проклятый портрет.

Я не упал в обморок – хотя никто из читателей не может представить, посредством какого усилия мне удалось избежать этого. Я вскрикнул, но сразу замолчал, увидев испуганное выражение на лице старика. Как я и ожидал, холст был искривлен, заплесневел и стал шероховатым из-за сырости и плохого хранения; но, несмотря на это, я мог наблюдать чудовищное, потусторонне, космическое зло, затаившееся в неопишуемой сцене самого болезненного содержания и самой

извращенной геометрии.

Там было то, о чем говорил старик – своды и колонны ада, где происходили Черные Мессы и Шабаши Ведьм, и я был не в силах предположить, какое завершение могла иметь эта картина. Разложение холста только увеличило символизм скрытого абсолютно-го зла и внушало мысль о том, что части картины, наиболее подвергшиеся воздействию времени, были теми частями, что в действительности разлагались и распались в Природе – или, скорее, в той дальней части космоса, что издевается над Природой.

Пределным ужасом среди всех элементов картины, конечно, была Марселин

– и по мере того, как я созерцал ее распухшую обесцвеченную плоть, у меня появилась смутная идея о том, что, возможно, фигура на холсте имела какую-то неведомую оккультную связь с телом, погребенным в подвале под слоем извести. Может быть, известь сохранила труп вместо того, чтобы разрушить его – но тогда могли сохраниться и те черные зловещие глаза, что пристально смотрели и дразнили меня из этого нарисованного ада?

И было еще нечто, касающееся творения Марша, чего я не мог не заметить

– нечто, чего де Рюсси не осмелился выразить словами, но что, возможно, имело какое-то отношение к желанию Дени уничтожить всех своих родственников,

обитавших с ней под одним кровом. Знал ли об этом Марш, или его творческий гений сам нарисовал это без его непосредственного понимания – никто не смог бы ответить. Но Дени и его отец не знали об этом до тех пор, пока не взглянули на картину.

Апофеозом кошмара были струящиеся черные волосы, которые покрывали гниущее тело, но сами при этом несколько не разрушившиеся. Все, что я слышал о них, было наглядно доказано. В этих вязких, волнообразных, маслянистых, изгибающихся кольцах темной змеи не было ничего человеческого. Мерзкая независимая жизнь утверждала себя в каждом неестественном скручивании и сворачивании, и впечатление от вывернутых наружу концах волос как от бесчисленных голов рептилий было слишком ярким, чтобы являться иллюзией.

Богохульный предмет притягивал меня, подобно магниту. Я утратил всякие силы и уже не удивлялся мифу о взгляде горгоны, который превращал всех наблюдателей в камень. Затем мне показалось, что я увидел изменение в этой твари. Плотоядное выражение лица заметно переменялось; гниющая челюсть отпала, позволив толстым звероподобным губам обнажить ряд острых желтых зубов. Зрачки жестоких глаз расширились, и выпуклые глаза сами по себе оказались направленными наружу. А волосы – эти проклятые волосы! Они начали шелестеть и ощутимо волноваться;

все змеиные головы обратились к де Рюсси и принялись вибрировать, как будто приготовившись к броску!

Разум совершенно покинул меня, и прежде, чем я осознал, что делаю, я вытащил пистолет и послал очередь из двенадцати стальных пуль в омерзительный холст. Картина сразу рассыпалась на фрагменты, даже каркас свалился с мольберта и с грохотом рухнул на покрытый пылью пол. Но хотя этот кошмар был разрушен, другой явился передо мной в виде де Рюсси, чей взбешенный вопль, который он издал, увидев уничтоженную картину, был почти столь же ужасен, как само изображение.

С почти нечленораздельным криком «Боже, вы сделали это!» чудовищный старик с силой схватил меня, вытолкнул из комнаты и поволок по ветхой лестнице. В панике он уронил свечу; но рассвет был близок, и тусклый серый свет уже просачивался через запыленные окна. Я неоднократно спотыкался и падал, но ни на мгновение хозяин не ослаблял свой темп.

«Бегите! – закричал он. – Бегите ради вашей жизни! Вы не понимаете, что натворили! Я так и не сказал вам всей правды! Мне приходилось делать некоторые вещи – изображение разговаривало со мной и указывало мне Я был обязан охранять и беречь картину – а теперь должно случиться самое худшее! Она и ее волосы появятся из могил, и один Бог знает, какова будет их цель!

Спешите! Ради Бога, уходите отсюда, пока есть время. Если у вас есть автомобиль, отвезите меня к мысу Жирардо. Это существо может достать меня где угодно, но я постараюсь убежать достаточно далеко. Быстрее отсюда!»

Когда мы достигли первого этажа, я услышал загадочный медленный стук, донесшийся из задней части дома и сопровождаемый звуком хлопанья двери. Де Русси не слышал этого ужасного стука, но другой шум привлек его внимание и заставил его издать самый страшный вопль, который когда-либо исходил из человеческой глотки.

«О, Боже, великий Боже – это была дверь погреба – она идет...»

В это время я отчаянно боролся с ржавым замком и покосившимися петлями большой парадной двери, и пребывал в таком же ужасе, как и хозяин, слыша медленные зловещие шаги, приближающиеся со стороны неизвестных задних комнат проклятого особняка. Ночной дождь деформировал дубовые доски, и тяжелая дверь застряла и сопротивлялась еще сильнее, чем накануне вечером.

Где-то скрипели половицы под ногами того, кто шел к нам, и этот звук, казалось, надломил последние остатки здравомыслия в бедном старике. Подобно взбесившемуся быку, он яростно проревел и отпустил свою хватку на мне, а затем бросился направо через откры-

тую дверь комнаты, которая, насколько я мог судить, служила кабинетом. Секундой позже, как только я, наконец, открыл переднюю дверь и выскочил наружу, послышался звенящий грохот разбитого стекла, и я понял, что он выпрыгнул через окно. И когда я безумно помчался от покосившегося подъезда по длинной, очищенной от растительности дороге, мне показалось, что я услышал глухой стук неумолимых шагов мертвеца, который не преследовал меня, но продолжал тяжело двигаться к двери покрытого паутиной кабинета.

Я оглянулся лишь дважды, когда необдуманно кинулся сквозь колючий шиповник по направлению к своей оставленной машине и продирался по зарослям засыхающих лип и гротескно карликовых дубов в бледном свете пасмурного ноябрьского утра. Первый раз я обернулся, когда меня настиг какой-то резкий запах, и я вспомнил о свече, оброненной де Рюсси в аттической студии. К тому времени я был уже очень близко от главной дороги и оказался на вершине небольшой возвышенности, с которой среди окружающих крон деревьев была ясно видна крыша особняка. Как я и предполагал, густые клубы дыма поднимались к свинцово-серому небу из мансардного окна студии. Я мысленно поблагодарил создателя за то, что проклятая бессмертная тварь сгорит в огне и будет стерта с лица земли.

Но в следующее мгновение брошенный мною взгляд назад упал на две другие вещи, которые моментально

нарушили мою успокоенность и вызвали во мне такое потрясение, от которого я уже никогда не смогу оправиться. Как я уже сказал, я находился на возвышенности, с которой была видна большая часть плантации. Эта панорама включала не только дом и деревья, но и полузатопленную территорию около реки, а также несколько изгибов расчищенного от растительности шоссе, к которому я так поспешно стремился. В этих местах я теперь созерцал сцены – или намеки на них, – от воспоминаний о которых я искренне желаю навсегда избавиться.

Вдали я услышал сдавленный крик, который заставил меня снова повернуться назад. Оглянувшись, я заметил какое-то движение на унылой серой болотистой равнине позади особняка. Это были человеческие фигуры, но очень маленькие, однако я понял, что движение представляло собой погоню, а фигуры являлись догоняемым и преследователем. Мне показалось, что я видел, как передняя фигура, одетая в темную одежду, была настигнута, схвачена и насильно потащена в направлении горящего дома.

Но мне не удалось разглядеть результат этих событий, поскольку мое внимание привлекла более близкая сцена. Кажется, посреди леса на небольшом удалении от пустынного шоссе возникло какое-то движение. Трава, кустарник и деревья раскачивались, хотя не было никакого ветра; они дергались, как будто большая бы-

страя змея целеустремленно пробиралась по земле, преследуя меня.

Больше я не мог этого выносить. Я в безумии бросился к воротам, невзирая ни на порванный костюм, ни на кровоточащие порезы, и запрыгнул в свой автомобиль, стоявший под большим вечнозеленым деревом. Он изрядно вымок под дождем, но был цел и исправен, так что у меня не было затруднений с отъездом. Я ехал вслепую, подчиняясь тому направлению, которое выбирал сам автомобиль; в моем сознании не было ничего, кроме желания убежать из этого ужасного места кошмаров и какодемонов – убежать так быстро и так далеко, насколько позволит бензин.

Спустя приблизительно три или четыре мили меня приветствовал фермер – доброжелательный, дружелюбный мужчина среднего возраста и явно значительного по местным меркам интеллекта. Я с радостью затормозил и спросил у него, в какую сторону надо ехать, хотя знал, что смотрюсь со стороны весьма странно. Человек легко объяснил мне путь к мысу Жирардо и, в свою очередь, поинтересовался, как я оказался в таком состоянии в столь ранний час. Подумав, что будет разумнее особо не распространяться на эту тему, я просто сказал, что меня застиг ночной дождь, и я нашел убежище в ближайшем доме, а позже заблудился в лесу, пытаясь отыскать свой автомобиль.

«Дом? Интересно, кому он может принадлежать. В

этом районе от фермы Джима Ферри до ручья Баркера ничего нет – а тут около двадцати миль».

Я вздрогнул и задался вопросом, какую новую тайну предвещали его слова. Затем я спросил своего собеседника, не забыл ли он о большом полуразрушенном особняке плантатора, чьи старые ворота находятся неподалеку.

«Забавно, что вы вспомнили об этом, сэр! Некоторое время этот дом стоял здесь, но теперь его уже нет. Он сгорел дотла лет пять или шесть назад. Про него рассказывали всякие страшные истории».

Я снова вздрогнул.

«Вы имеете в виду Берег реки, сэр, – поместье старика де Юсси. Загадочные события произошли там лет пятнадцать-двадцать назад. Сын старика женился на девушке, приехавшей из-за границы, и некоторые люди полагали, что она была связана с нечистой силой. Мало кто любил общаться с ней. Затем она и юноша внезапно уехали, а позже старик сказал, что его сын погиб на войне. Но кое-кто из негров намекал на подозрительные вещи. Наконец, кто-то проговорился, что старик сам влюбился в девчонку и убил ее и сына. В этом месте часто появлялась черная змея – понимаете это, как хотите.

Затем пять или шесть лет назад старик исчез, а особняк сгорел. Говорят, что он сам сгорел в этом доме. Это случилось утром после дождливой ночи, такой

же, как минувшая, и много людей слышало ужасные вопли, которые доносились с полей и принадлежали, по-видимому, старому де Рюсси. Когда люди пришли сюда, они увидели дом, объятый дымом и пламенем; он сгорел в мгновение ока, словно трут, будто и не было дождя. Никто больше не встречал старика, но время от времени люди видят призрака большой черной змеи, ползающей вокруг.

И все-таки, что вы здесь делали? Похоже, вам знакомо это место. Разве вы никогда не слышали историй про де Рюсси? Как вы считаете, не принесла ли беду та девушка, на которой женился молодой Дени? Она быстро пробудила к себе всеобщее отвращение и ненависть, хотя никто никогда не мог объяснить, почему».

Я пытался размышлять, но теперь это событие было уже вне моего понимания. Дом сгорел несколько лет назад? Но где и в каких условиях я провел эту ночь? И почему мне стали известны эти события? Даже сейчас, когда я думал об этом, я видел волосы на рукаве своего плаща – короткие седые волосы старика.

До конца своего маршрута я ехал, ни с кем не разговаривая. Я понимал, что лишние сплетни принесут вред бедному старому плантатору, который и так много пострадал. Позже я пояснил, как будто узнав это из отдаленных, но подлинных сообщений друзей, что, если кто-либо и был виноват в трагедии в поместье Берег реки, так это женщина по имени Марселин. Она не со-

ответствовала обычаем Миссури, говорил я, и женитьба Дени на ней была весьма плохим делом.

Больше я ничего не сообщал, поскольку чувствовал, что де Рюсси с их взлелеянным понятием о чести и гордости и высоким духом не могли бы одобрить мои дальнейшие повествования. Видит Бог, они достаточно вынесли; не хватало, чтобы еще жители сельской местности строили догадки о том, какой демон из бездны – или какая кощунственно древняя горгона – появилась, чтобы щеголять их древним и безупречным именем.

Было бы неправильно допустить, чтобы соседи узнали о том ужасе, что не смог до конца рассказать мне мой странный ночной хозяин, – о том ужасе, который он, как и я, познал в деталях утраченного шедевра несчастного Фрэнка Марша.

И было бы слишком отвратительно, если бы они узнали, что бывшая жена наследника Берега реки – проклятая горгона или ламия, чьи ненавистные извивающиеся змееобразные волосы даже теперь, должно быть, шевелились и обвивались вокруг скелета художника в засыпанной известью могиле под обугленным фундаментом дома – имела призрачное, туманное, но заметное для глаз гения родство со своей почитательницей из Зимбабве. Неудивительно, что у нее была связь с той старой ведьмой – ведь в обманчиво незначительной пропорции в жилах Марселин текла

негритянская кровь.